

А. А. СОЛДАТОВ

**«СОУС, В КОТОРОМ НАС ГОТОВЯТ...»
СТЕФАН КЕНЕВИЧ И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

В статье рассматривается процесс реформирования исторической науки в Польше во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. Проблема адаптации историков-немарксистов к новым условиям проанализирована на примере жизни и творчества Стефана Кеневича. К марксистской методологии Кеневич обратился после Второй мировой войны, во многом под давлением со стороны партийных историков. Он старался найти компромисс между использованием марксистско-ленинской теории и проведением исследований, опирающихся на исторические источники, системность и объективность. Пример Кеневича показывает, что реформирование науки в ПНР отразилось на ее структуре и степени автономии, но не смогло утвердить теоретическую монополию ортодоксального марксизма.

Ключевые слова: марксизм, Стефан Кеневич, ПНР, польская историческая наука, СССР, сталинизм, реформа

В Польше после Второй мировой войны, нанесшей стране огромный материальный и духовный урон, среди прочих встал вопрос о восстановлении науки и образования. Процесс этот в части возрождения исторических исследований был нелегким не только из-за последствий войны¹, но и по причине быстро менявшейся политической конъюнктуры. В первые послевоенные годы в государстве, находившемся в разрухе, шла активная борьба за власть между разными политическими силами. Несмотря на большую популярность Польской социалистической партии (ПСЛ)², к 1948–1949 гг. политический олимп заняли коммунисты из Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Новая власть начала политику сталинизации³, для которой были характерны идеологический монизм, коммунистическая пропаганда, объединение партийного и государственного аппаратов, советское в польской политике, подавление оппозиции, установление культа личности советского вождя. Появление термина «сталинизация» можно связать с необходимостью терминологического определения общих процессов, протекав-

¹ Пропало без вести или погибло около 13% историков, уничтожена большая часть архивных материалов. См.: Rutkowski 2007. S. 23.

² По итогам референдума 1946 г. было очевидно, что большинство граждан (не менее 60%) поддерживает оппозиционные партии, но при содействии СССР результаты были подтасованы в пользу коммунистов. – Польша в XX веке... С. 399.

³ Термин общепотребим как в российской, так и в польской современной историографии. См., напр.: Польша в XX веке...; Горизонтов 1997; Stobiecki 2007; Grabski 2000; Szumski 2016.

ших в странах соцлагеря в первом послевоенном десятилетии и закончившихся десталинизацией (1956), т.е. критикой политики Сталина.

Результатом сталинизации должны были стать радикальные изменения во всех сферах общества с полным исключением оппозиции, а его структура должна была соответствовать дихотомии хорошие / плохие, друзья/враги. Однако исторический анализ показывает, что общественное устройство было гораздо сложнее. Это хорошо прослеживается на примере биографии историка Стефана Кеневича (1907–1992), который изначально был весьма далек от марксизма (как идеологии, так и методологии) и от левых идей в целом, но стал в итоге долгого методологического поиска одним из наиболее крупных ученых ПНР.

Чтобы рассмотреть метаморфозы, происходившие как с польской исторической наукой, так и с конкретным ее представителем, необходим общий обзор развития историографии в послевоенное время и достижений ученого к моменту окончания Второй мировой войны.

В первые послевоенные годы были возвращены к жизни Варшавский, Краковский, Люблинский католический и другие университеты, открыты исторические институты в Лодзи, Торуне и Вроцлаве; возобновили работу научные общества (Польская академия знаний, Польское историческое общество⁴), редакции журналов *Kwartalnik Historyczny*, *Przegląd Historyczny* и др. Ученые-марксисты в первое время имели слабое влияние в академической среде, даже при наличии ученой степени они не обладали научным авторитетом⁵. Однако ППР/ПОРП постепенно устанавливала контроль и над наукой. Р. Стобецки выделяет следующие цели новых институций (Партийной школы при ЦК ППР, Института образования научных кадров при ЦК ПОРП, отдела Истории партии при ППР/ПОРП, Марксистского объединения историков): разделение и подавление исторического сообщества, с помощью создания конкурентных научных институтов; дискредитация традиционных и укорененных в историческом сообществе научных объединений; создание научной и идеологической альтернативы для исследователей, придерживавшихся старых «буржуазных привычек»; воспитание новых кадров, способных обеспечить «переустройство» исторической науки⁶.

⁴ Польская академия знаний образована в 1872 г. на основе Краковского научного общества (до 1919 г. называлась *Академия знаний*). В 1958 г. закрыта в связи с оппозиционными настроениями членов Академии, а все имущество передано Польской академии наук. Возобновила работу в 1989 г. *Польское историческое общество* – объединение профессиональных историков и любителей, создано в 1886 г. во Львове, каждые пять лет проводит съезды польских историков.

⁵ См.: Rutkowski 2007. S. 94-95.

⁶ Stobiecki 2007. S. 47-48.

28 октября 1947 г. Совет высших школ Государственного национального совета принял Декрет об организации науки и высшей школы, значительно ограничивавший автономию университетов⁷. Решение было проведено вопреки мнению ряда ученых советов университетов, которые отклонили проект. На пленуме ЦК ПОРП 20–21 апреля 1949 г. было объявлено о необходимости идеологического наступления на науку⁸. Проводниками политики партии выступали среди прочих отдел науки и высшей школы ЦК ПОРП и Марксистское объединение историков (как организация, альтернативная Польскому историческому обществу). Но далеко не все историки соглашались с насаждением марксистской методологии и коммунистической пропаганды, поэтому конфликт был неизбежен. Некоторые ученые открыто выступили против политики ППР/ПОРП и подверглись гонениям. В 1948–49 гг. были сняты с должности заведующие кафедрами Владислав Конопчинский (1880–1953) и Адам Скалковский (1877–1951), Министерство просвещения отказало в праве преподавать Владиславу Семковичу (1878–1949)⁹ и не допустило к защите диссертацию Хенрыка Верещицкого (1898–1990), его книга «Политическая история Польши 1864–1918 гг.», изданная в 1947 г., была изъята из всех магазинов и библиотек¹⁰.

В 1953 г. для ограничения влияния «реакционной» Польской академии знаний, по аналогии с АН СССР, была создана Польская академия наук (ПАН), обладавшая контролируемыми, организационными и координирующими функциями и подчинившая университеты, научные центры и общества. Проводниками партийной политики среди историков были Станислав Арнольд (1895–1973), Целина Бобиньская (1913–1997), Наталья Гонсёровская (1881–1964), Жанна Корманова (1900–1988), занимавшие руководящие посты в разных институтах¹¹. Как резюмирует Л.Е. Горизонтов, «сталинизация общественно-политической жизни ПНР не пощадила и науку этой страны»¹².

⁷ Hübner 1987. S.45–53.

⁸ Rutkowski 2007. S. 138.

⁹ Ibid. S. 139.

¹⁰ Wereszycki 1947; Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki... S. 22.

¹¹ С. Арнольд – глава Департамента высшего образования и науки Министерства просвещения (1945–1947), руководитель Института наук о Польше и современном мире Варшавского университета (с 1947). Ц. Бобиньская руководила кафедрой истории Польши Ягеллонского университета (с 1950), лабораторией аграрных исследований Института истории ПАН (1952–1968). Н. Гонсёровская была ректором Высшей педагогической школы в Лодзи (1946–1948), председателем Польского исторического общества (1953–1956) и Ученого совета ПАН (1953–1964). Ж. Корманова с 1944 г. была руководителем Отдела программ и реформ образования Польского комитета национального образования, потом до 1948 г. – директором Департамента реформы образования и воспитания Министерства просвещения.

¹² Горизонтов 1997. С. 112.

К моменту окончания Второй мировой войны за плечами Стефана Кеневича был многолетний опыт научной работы. Кеневич происходил из среднепоместного дворянства и первые 11 лет жизни провел в имении в Дорошевичах (ныне Гомельская область, Беларусь). В 1930 г. он закончил Университет имени Адама Мицкевича в Познани, после чего собирал материалы о Весне народов 1848 г. в архивах Парижа, учился в Варшаве у известного польского историка М. Хандельсмана (1882–1945), а в 1934 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Польское общество в Познаньском восстании 1848 г.»¹³ Тогда же сформировались его профессиональные навыки: как Кеневич признавался позже, в Познани А. Скалковский научил его «критическому отношению к источникам, недоверию всяким, даже самым правдоподобным легендам», а М. Хандельсман – «использованию источников разного происхождения; задаванию этим источникам вопросов, о которых не подумали предыдущие исследователи темы»¹⁴.

В Познани Кеневич тяготел к консервативным кругам и к «академическим организациям католического типа»¹⁵. Этот интерес был во многом обусловлен шляхетским происхождением и глубокой религиозностью историка. Но позже, в 1980 г., он, что в окружении М. Хандельсмана, в которое входили Людвиг Видершаль, Лукаш Русьян, Мариан Маловист, ксендз Мечислав Живчиньский, Каликст Моравский) ему удалось «избавиться от балласта консервативных и националистичных предрассудков, которые впитывал с молодости»¹⁶. Трудно установить, вкладывал ли ученый особый смысл в этот пассаж. Как минимум, он был открыт для новых идей, которые черпал, в т.ч. от указанных варшавских знакомых. Но не стоит упускать из внимания тот факт, что многие из них представляли левое движение и были противниками националистического эндецкого движения, популярного в Познани¹⁷.

Начатую в 1937 г. работу в Казначейском архиве Кеневич продолжал во время Второй мировой войны, а с января 1941 г. присоединился к подпольному Бюро информации и пропаганды Главного командования Союза вооруженной борьбы Армии Крайовой, где работал в подотделе «Z» под руководством Л. Видершалья¹⁸. В работе БИП было задействовано много историков, с которыми Кеневич продолжил со-

¹³ Kieniewicz 1935. 304 s.

¹⁴ Kieniewicz 1980. S. 245, 247.

¹⁵ Kieniewicz 2010. S. 284.

¹⁶ Kieniewicz 1980. S. 247.

¹⁷ Видершаль был в 1944 г. убит крайне правой группировкой при до сих пор невыясненных обстоятельствах. Маловист с юности поддерживал коммунистическое движение. Живчиньский был связан с движением «ксендзов-патриотов» и объединением PAX, выступавших с поддержкой коммунистической власти в Польше.

¹⁸ Mazur 1987. S. 32.

трудничество уже после 1945 г.: Тадеуш Мантейфель (1902–1970), Александр Гейштор (1916–1999), Станислав Хербст (1907–1973), Витольд Кула (1916–1988) и др.¹⁹ В годы сталинизации Кеневич не распространялся о своей подпольной активности. В 1953 г. он указывал в резюме сотрудника ПАН лишь то, что во время войны продолжал работать архивистом²⁰. Отношение коммунистической власти к расформированной после войны Армии Крайовой было негативным из-за ее связи с Польским правительством в эмиграции и участия части бывших солдат в борьбе против новой власти (т.н. «проклятые солдаты»).

Во время Варшавского восстания Кеневич был ранен в шею. Попынуть разрушенную столицу ему не удалось – он был схвачен немцами, из Дахау его освободили американцы весной 1945 г. После прохождения реабилитации перед ним встал выбор: остаться в Германии или вернуться на родину. Ученый писал, что ко второму варианту, «вопреки мнению многих людей», его подтолкнули не только оставшиеся дома жена с тремя детьми, но и желание «далее быть историком Польши, вопросов борьбы за независимость»²¹.

В автобиографии Кеневич отмечал, что по возвращении в Польшу среди первоочередных задач он видел защиту реабилитационного исследования (видимо, исходя из соображений, что это упростит вопрос с трудоустройством), поиск новой работы (в Главной дирекции архивов ему сообщили, что места для него нет) и нового дома (после воссоединения с семьей было необходимо в прямом смысле найти новое жилье, ведь вся Варшава была в руинах). Историка не меньше волновал вопрос выбора новой исследовательской темы²². В 1946 г. Кеневич защитил в Ягеллонском университете реабилитационную диссертацию. В основу текста легла его довоенная работа об Адаме Сапеге – одном из лидеров Январского восстания 1863 г.²³, а обязательную лекцию он прочитал на тему «Крестьянский вопрос и вопрос независимости после разделов»²⁴. Выбор университета для защиты не был случайным. В силу того, что Варшава была разрушена, а многие местные историки погибли во время восстания, уцелевший Краков оставался единственным вариантом²⁵.

В это время Кеневич продолжал исследование Познаньского восстания и изучение аграрного вопроса. Полностью посвящая себя люби-

¹⁹ Ibid. S. 32.

²⁰ Życiorys od 22.06.1953, Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.

²¹ Kieniewicz 2010. S. 286.

²² Kieniewicz 1980. S. 252–253.

²³ Kieniewicz 1936. S. 70–111.

²⁴ Kieniewicz 1946. S. 267–283 (b).

²⁵ Ягеллонский университет быстрее остальных возобновил деятельность и «в прямом смысле стал научным центром в Польше». – Rutkowski 2007. S. 26.

мому занятию, он обращал мало внимания на современные политические события. В студенческие годы он держался подальше от политики²⁶, а вспоминая об исследовательской работе в Берлине в 1934 г., писал: «Горячая политическая атмосфера нисколько не отрывала меня от архивов»²⁷. Рассказывая о второй половине 1940-х, историк отмечал, что «все еще не ориентировался в быстрых изменениях политической ситуации... Любезно полемизировал в печати с Жанной Кормановой, Юзефом Халасиньским и Хенрыком Яблоньским²⁸, нисколько не отдавая себе отчета в том, какие позиции занимали эти личности»²⁹. Немаловажно, что свои рецензии на работы упомянутых авторов он публиковал на страницах католического журнала «Тыгодник повшехных». Кеневич писал, что в то время «не имел никакого представления об историческом материализме, основным его принципам и терминологии учился случайно, в ходе разговоров с коллегами и издателями, молча прислушиваясь к дискуссиям, особенно на ежегодных съездах Польского исторического общества»³⁰. По замечанию М. Вольневича, Кеневич в ранних работах интерпретировал повстанческую традицию в истории Польши в «политических категориях... как национальную борьбу против России»³¹. Этот подход был далек от исторического материализма, требовавшего в первую очередь выявления экономических факторов, обуславливавших общественно-политические процессы.

Быстро вернуться в профессию Кеневичу помогло знакомство с другими исследователями из окружения Хандельсмана и военного подполья. Некоторым из них (С. Арнольд, В. Куля, М. Маловист) марксистская теория была, как минимум, близка, не говоря уже об их личном участии в советизации науки. Связь историков-марксистов с довоенным польским историческим сообществом если не ослабляла давление власти на «буржуазных» ученых, то, по крайней мере, помогала продолжить научную и преподавательскую деятельность³².

Во главе с Т. Мантейфелем ученые уже в 1945 г. стали возрождать историческое образование в Варшаве. В 1947 г. Кеневич получил должность заместителя профессора в Варшавском университете и начал вести семинар по истории Восточной Европы. Как специалист, он был

²⁶ Kieniewicz 2010. S. 284.

²⁷ Kieniewicz 1980. S. 248.

²⁸ См.: Kieniewicz 1946. S. 6 (a); Kieniewicz 1947. S. 13-14.

²⁹ Kieniewicz 1980. S. 253.

³⁰ Kieniewicz 1980. S. 254.

³¹ Wolniewicz 2006. S. 98.

³² Решение о том, кто будет занимать должность директора Департамента высшего образования и науки, принимала партия, в 1945–1947 гг. это был ученик Хандельсмана С. Арнольд, «что ослабляло негативные последствия партийного назначения не только для Варшавского университета». – Rutkowski 2007. S. 32-33.

приглашен на празднование в Париже столетней годовщины Весны народов; Н. Гонсёровская привлекла его к работе над пятитомной «Весной народов в польских землях»³³. Словом, карьера ученого налаживалась. В ретроспективе видно, что активный и деятельный Мантейфель взял Кеневича под опеку, назначив его сначала своим заместителем по международным вопросам в Главном управлении Польского исторического общества (выбранный в 1947 г. новый состав Главного управления пошел на сотрудничество с властью)³⁴, а потом заместителем по научной работе в Институте истории ПАН³⁵. Поначалу умолчание Кеневича о своих симпатиях к тем или иным политическим силам помогло ему избежать конфликта с партийными историками, войти в организационный комитет 100-летней годовщины Весны народов, в котором большинство историков «активно поддерживало власть», да и само торжество носило «политико-пропагандистский характер»³⁶.

Однако в том же 1948 г. С. Кеневич, предположительно впервые, столкнулся с открытым давлением власти. Коммунистам не удалось сразу подчинить исторические институты, поэтому важной пропагандистской площадкой для них стали конференции и съезды. На открытии VII Всеобщего съезда польских историков 19 сентября 1948 г. во Вроцлаве Кеневич выступил с докладом о Весне народов, затронув тему крестьянского восстания в Галиции в 1846 г., последствиями которого стали подавление Австрийской империей польского либерального движения и присоединение Кракова к монархии Габсбургов. Историк так вспоминал о реакции слушателей: «Я сделал легкий намек на галицийскую резню, что вызвало как бы дрожь в зале, но легко выбрался из этой ситуации; не забыл отметить Бакунина и революционную польско-русскую дружбу... Доклад вызвал аплодисменты. [Ян] Рутковский шепотом... спросил соседа: “Проходило ли это цензуру?” ...Министр просвещения Станислав Сжжешевский не был доволен этой речью»³⁷.

Обычно осторожный историк провел вполне очевидную аналогию между современными событиями и историей столетней давности, только агрессором выступала уже не Австрийская империя, а Советский Союз. Объяснить такой шаг можно тем, что еще оставалась надежда на сохранение хотя бы минимальной свободы творчества. Ученый вспоминал, что писал тогда жене «о крохотной форточке для немарксистов. Вопрос, надолго ли? Все с энтузиазмом говорили об этой форточке, считая, как будто, что тот соус, в котором нас готовят, в целом не такой

³³ Wiosna ludów... 1948-1955. Кеневич называл это издание «полунаучным», имея в виду его популярный характер. См.: Kieniewicz 1980. S. 254.

³⁴ Rutkowski 2007. S. 91.

³⁵ Archiwum IH PAN Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.

³⁶ Rutkowski 2007. S. 103-104.

³⁷ Kieniewicz 1990. S. 234-235.

уж невкусный»³⁸. Политическая обстановка не оставляла большого выбора немарксистским ученым, перед которыми стоял вопрос об адаптации к новым реалиям. Впрочем, Кеневич достаточно быстро узнал, что партия не настроена закрывать глаза на вольнодумство. Его доклад не был опубликован в связи, как он считал, «с обострившейся идеолого-политической ситуацией», а две новые книги застряли в издательстве по неизвестным причинам³⁹. Уже на вроцлавском съезде С. Арнольд назвал его статью «История народа или история государства?»⁴⁰ среди работ по новейшей истории, подлежащих ревизии (в этом же контексте были упомянуты Х. Верещицкий и В. Конопчинский)⁴¹.

Вскоре после съезда Верещицкий написал в письме Кеневичу: «Редакция “Квартальника хисторычного” колеблется – читай „боится” – помещать ли то, что Вы показывали на заседании Главного управления [Польского исторического общества]! О tempora o mores!»⁴². Речь шла о рецензии Кеневича на труд Верещицкого «Политическая история Польши после разделов», которую журнал так и не опубликовал.

Несмотря на то что цель польских и советских историков на съезде во Вроцлаве была схожей – продолжение советизации польской науки, их отношение к немарксистским ученым было различным. Советские историки (В.Д. Королук, И.С. Миллер, М.В. Миско) в целом положительно отзывались о Кеневиче, отметив, что его работы «являются полезным дополнением к литературе по истории революции 1848 г.»⁴³ Такая характеристика могла быть обусловлена тем, что советские историки не желали подогревать конфликт внутри польской интеллигенции, критикуя «неправильные» взгляды исследователя, который не выступал открыто против власти и проводимых реформ.

Э. Орман справедливо отмечает, что «в глазах партийных деятелей его [Кеневича] дискредитировали шляхетско-помещичье происхождение, католическое мировоззрение и предшествующие работы, довоенная книга об Адаме Сапеге и издание работы об Адаме Чарторыйском пера Марцели Хандельсмана»⁴⁴. Кстати, свое происхождение ученый не афишировал: в 1952 г. в персональной анкете сотрудника ПАН он указывал, что происходит из «работающей интеллигенции»⁴⁵.

³⁸ Ibid. S. 235.

³⁹ Kieniewicz 1980. S. 266-267.

⁴⁰ Kieniewicz 1947. S. 373-383.

⁴¹ Powszechnie Zjazdy 2014. S. 63.

⁴² Письмо Х. Верещицкого С. Кеневичу от 6.10.1948 // Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki. Korespondencja... 2012. S. 932.

⁴³ Koroluk, Miller, Misko 1950. S. 291.

⁴⁴ Orman 2012. S. 22-23.

⁴⁵ Ankieta personalna od 04.12.1952, Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.

Избежать остракизма историку могло помочь обращение к историческому материализму в исследованиях.

По мнению Э. Орман, «примером использования Стефаном Кеневичем марксистского исследовательского метода были его книги на тему крестьянского вопроса в XIX в. Интерес к данной теме частично вытекал из помещичьего происхождения [ученого]... Он досконально знал тот первый [мир дворян], тогда как мир крестьян старался понять и описать как историк»⁴⁶. Утверждение польской исследовательницы справедливо лишь отчасти. Крестьянский вопрос является одним из ключевых в марксизме, но не определяющим критерием. Важнее обратить внимание на методологию, которой оперировал историк.

Собственно, Кеневич еще до войны обращался к этой теме в рамках более широких исследований, а в 1946 г. посвятил ей свою первую лекцию «Крестьянский вопрос и вопрос независимости после разделов»⁴⁷. Он рассматривал проблему отмены крепостной зависимости со схожих с марксистами позиций: неоднократно подчеркивая вину шляхты в торможении этого процесса⁴⁸, его неизбежность с точки зрения развития экономики, однако основную причину долгого закрепощения видел в неразрешенности главного для поляков политического вопроса – возвращения независимости. Наиболее ярко этот тезис подчеркнут в заключении: «Крестьянин был освобожден из вековой зависимости этапами, не организованно и сознательно борясь за эту эмансипацию, а используя повстанческую конъюнктуру» и мог раньше получить свою свободу, если бы существовала независимая Польша, «в которой могла бы развиваться политическая мысль, охватывающая интересы всех общественных слоев государства»⁴⁹. Позднее Кеневич расценивал эту статью как зародыш будущей концепции Январского восстания⁵⁰.

В 1948 г. он снова обратился к аграрному вопросу. В статье «Крестьянский вопрос в Галиции в 1848 г.»⁵¹ подробно разобран ход революции в «польской» части Австрии. В перспективе дальнейшего методологического поворота Кеневича интересна его оценка роли крестьян: их позиция привела к «победе реакции, которая впоследствии должна была отразиться на их собственной судьбе. Трудно, однако, винить галицийских крестьян в том, что сто лет назад они не понимали связей, которые были между демократией и гражданскими свободами [с одной стороны], и благополучием народных масс [с другой]. Опыт указывал им видеть врага в помещике, с которым демократы шли рука об руку.

⁴⁶ Orman 2012. S. 21.

⁴⁷ Kieniewicz 1946. S. 267-283 (b).

⁴⁸ Ibid. S. 262, 271, 278, 282 (b).

⁴⁹ Ibid. S. 283 (b).

⁵⁰ Kieniewicz 1980. S. 252.

⁵¹ Kieniewicz 1948. S. 61-128.

Просвещенные сословия также несли ответственность за положение крестьянина. Не столько шляхта, защищающая по естественным причинам собственные интересы, сколько городская интеллигенция. С их стороны было очень мало сделано для сближения с крестьянином, для понимания его [положения]... [она] думала о том, как ввести крестьянина в поле [борьбы], вместо того, как добиться его доверия»⁵².

Этот отрывок показывает, что Кеневич отчетливо понимал, что успех восстания 1863 г. напрямую зависел от включенности в борьбу крестьян. Такая позиция приближала его к марксистскому пониманию польской повстанческой традиции. «Крестьянский вопрос, — пишет историк В. Цабан, — это ключ для понимания политической деятельности обеих групп (красных и белых. — А.С.), а в то же время — ключ к оценке отношения общества Королевства Польского к Январскому восстанию»⁵³. Отличие точки зрения Кеневича от принятой в марксистской историографии заключалось в том, что, несмотря на важную роль крестьянства, он не считал его движущей силой борьбы как национально-освободительной, так и революционной (в марксистском понимании).

Продолжавшаяся критика со стороны партийных историков ставила перед Кеневичем вопрос о приспособлении к новым реалиям. Его реферат, подготовленный для IX Международного конгресса исторических наук в Париже (1950), первоначально не прошел цензуру. В протоколе заседания группы при отделе науки ЦК ПОРП реферат был назван реакционным и националистическим, а Ц. Бобиньской, Ж. Кормановой и В. Куле было рекомендовано обговорить его с автором⁵⁴, т.е. фактически указать, как его отредактировать в соответствии с требованиями цензуры. Но выступление С. Кеневича не состоялось, поскольку ПОРП отказалась от участия Польши в Конгрессе, что означало разрыв отношений с мировой исторической наукой⁵⁵.

Л.Е. Горизонтов цитирует в статье «Методологический переворот...» характеристику членов польской делегации в Москву, подготовленную для Института славяноведения АН СССР историком Соломоном Ковальски-Натонсоном и членом Политбюро ПОРП Якубом Берманом. Ими были выделены три группы историков в соответствии с лояльностью новой политике: партийные историки, беспартийные, но близкие к марксизму, и те, кому было отказано в визите по следующим причинам: Е. Домбровскому, «так как является последовательным агентом Ватикана», З. Войцеховскому, «так как он стоит на националистических позициях», Ю. Костржевскому из-за его «буржуазных позиций»,

⁵² Kieniewicz 1948. S. 127-128.

⁵³ Caban 2010. S. 107.

⁵⁴ Цит. по: Rutkowski 2007. S. 159.

⁵⁵ Ibid. S. 160; Stobiecki 2007. S. 51.

А. Ветуляни, как «отъявленному реакционеру», и С. Кеневичу, который, «хотя и выступал с некоторыми интересными трудами, имеет какие-то связи с реакционными католическими кругами»⁵⁶. Таким образом, для коммунистической власти Кеневич первоначально был не просто ученым, далеким от исторического материализма, но одним из ярких представителей «реакционных», «буржуазных» историков.

В результате усиления критики в работах Кеневича начала явно просматриваться марксистская теория. Это видно уже из названия его доклада на I Конгрессе польской науки (1951): «Классовая борьба польских крестьян в XIX и XX веках в освещении польской историографии»⁵⁷. Ученый не только впервые заявил о крестьянских восстаниях как проявлении «классовой борьбы»⁵⁸, но начал критиковать с марксистских позиций коллег по цеху (например, Стефана Инглота за традиционные взгляды)⁵⁹, а также назвал центральной задачей изучение истории классовой борьбы и ревизию устаревших взглядов в польской историографии⁶⁰. Более того, Кеневич не присоединился к Мантейфелю и Гейштору в защите своего покойного учителя Хандельсмана от нападок Кормановой, не желая, как писала Орман, «сильно высываться», глядя на происходящее со стороны⁶¹.

Для Кеневича польские восстания были вопросом не только борьбы за независимость, но и общественных изменений, что сближало его с марксистским видением восстаний, которые вписывались в идею о формационном развитии и символизировали кризис феодального строя. По замечанию М. Вольневича, капиталистический переворот имел два аспекта: «борьбы одновременно против „чуждого и народного“ гнета, против польских феодалов (шляхты) и одновременно против реакционный оккупационных государств и системы Священного союза»⁶². Однако коммунистическое реформирование науки требовало от ученого обращения именно к официальной версии исторического материализма, которая заключалась, среди прочего, в легитимизации нового строя в Народной Польше при помощи истории.

Партийные организаторы конгресса тщательно следили за тем, какое отношение к марксистской теории имеют будущие участники. По требованию организационного бюро конгресса Ж. Корманова подготовила реферат (22 февраля 1951 г.), где дала объемную характеристику

⁵⁶ Цит. по: Горизонтов 1997. С. 114.

⁵⁷ Kieniewicz 1950/1951. S. 39—57.

⁵⁸ Ibid. S. 39.

⁵⁹ Ibid. S. 53.

⁶⁰ Ibid. S. 52.

⁶¹ Orman 2012. S. 23-24.

⁶² Wolniewicz. S. 105.

польскому историческому сообществу, обратив внимание, что «большинство профессоров и научных кадров» обратилось в своих исследованиях к марксизму, однако «представляется плохо организованным ознакомление историков с основами исторического материализма. Доныне не было ни одного курса, ни одного семинара такого типа для историков». Важно обратить внимание на классификацию исследователей. Корманова выделила четыре группы по идеологическому принципу: «1) Рядом с горсткой партийных профессоров (Арнольд, Бобиньская, Яблоньский, Малечыньская, Гонсёровская, Маевский, Ассоро-добрай, Корманова), марксистская подготовка которых и идеологическая зрелость очень многообразны, 2) можно назвать группу, заявляющих о себе как марксистах, но выдвигающих разные заявления или допускающих в работе либо отклонения, либо вульгаризацию методологии (Маловист, Куля, Бежуньская, Сренёвский, Хербст, Пиварский, Серейский, Дуткевич, Малечыньский). Эта группа растет количественно и вместе с первой может уже составить решающее ядро в университетской исторической науке. 3) группа старых профессоров с разным идеологическим и мировоззренческим багажом, обладающих большой эрудицией, но придерживающихся старых методологических взглядов. На такую группу не стоит рассчитывать, но следует окружить вниманием и заботой, изолируя от реакционных и усиливая воздействие прогрессивных факторов и научных центров (Мантейфель Т., Кеневич, Гродецкий, Ловмянский, Инглот, Барыч, Томкевич, Кипа, частично Е. Домбровский, Туменецкий). Наконец 4) группа профессоров, перерождения которых мне кажется маловероятной; которых характеризует чуждость, а часто методологическая враждебность, которые демонстрировали в течение 1945–50 гг. сравнительно меньшую идеологическую эволюцию, продолжая оставаться на националистических и „западных” позициях (Пётрович, Коланковский, Гурский)»⁶³.

В том же реферате Корманова привела работы Кеневича по истории Весны народов в качестве примера «разработки польских прогрессивных традиций»⁶⁴, имея в виду связь революционной традиции XIX в. с деятельностью современного ей коммунистического движения.

Польские историки неоднократно обращались к этой характеристике⁶⁵, однако не всегда точно, сознательно или нет, передавали ее содержание. Так, П. Хюбнер почему-то вырвав часть текста из контекста, поменял смысл характеристики, данной Кормановой третьей и чет-

⁶³ APAN I Kongres Naukowy, syg. I-10/36 „Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)”, k. 363-364.

⁶⁴ Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951), APAN, I Kongres Naukowy, syg. I-10/36, k. 365.

⁶⁵ Hübner 1992. S. 800; Rutkowski 2007. S. 170.

вертой группам: «“старые профессора”, которых следует “изолировать”»; и профессора, стоящие на “националистических и западных позициях”. На “изоляцию” были обречены среди прочих Т. Мантейфель, С. Кеневич, Х. Ловмянский, Х. Барыч, а до “частичной” изоляции – это была собственно пятая группа – Е. Домбровский и К. Тыменецкий. Полностью “проклятые” были К. Гурский, Л. Пиотрович и Л. Коланковский»⁶⁶. К сожалению, своим неточным цитированием (в оригинале конкретно указаны четыре группы) Хюбнер ввел читателей в заблуждение, создав пятую группу историков и фактически написав, что Корманова предлагала предать остракизму Кеневича и других историков, хотя она, напротив, предлагала «изолировать» их от коллег, которые упорно продолжали отстаивать довоенные взгляды.

Реверанс Кеневича в сторону ортодоксального марксизма помог ему избежать попадания в среду маргинальных, с точки зрения партии, ученых. О том, что этот шаг был вынужденным и носил скорее формальный характер, свидетельствуют дальнейшие события.

В воспоминаниях Кеневич привел еще один случай давления со стороны коммунистической власти. На рубеже 1951–1952 гг. на I Методологической конференции в Отвоцке («одной из самых темных страниц в послевоенной истории польской гуманитарной науки»⁶⁷) он обнаружил себя среди «черных овец» – ученых, в чьей лояльности не были уверены партийные историки, но ему, в отличие от Х. Верещицкого, удалось избежать критики. Спасло Кеневича, по его утверждению, издание работы «Крестьянское движение в Галиции в 1846 г.», экземпляры которой он раздавал на конференции: «Внезапно президиум объявил перерыв на несколько минут. За кулисами велись заседания посвященных людей, потом один из них отвел меня в сторону и заявил, что внесение меня в список обвиняемых было недоразумением»⁶⁸.

Однако недоверие к Кеневичу среди творцов сталинистской науки сохранялось. Свидетельство тому – пара кратких комментариев Кормановой в ее конспектах докладов, прозвучавших на конференции⁶⁹. Рядом с фамилией Кеневича она записала: «“История народа или история государства” отсутствие инициативы наших правящих элит»⁷⁰. Это прямая цитата из его статьи 1947 г. в качестве комментария к статье Верещицкого «О проблемах новейшей истории Польши»: «Скорость

⁶⁶ Hübner 1992. S. 800.

⁶⁷ Stobiecki 2007. S. 97.

⁶⁸ Kieniewicz 1980. S. 255.

⁶⁹ Выписанные тезисы доклада редактора журнала *Nowy Drog* Юзефа Гутта (29 декабря) отличаются по содержанию от текста, опубликованного в двухтомнике «Первая методологическая конференция польских историков» *Pierwsza konferencja metodologiczna...* 1953. S. 41–64.

⁷⁰ AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 59.

прогресса в Польше можно рассматривать как сумму двух независимых сил: общемирового устройства общественно-экономических отношений и локальных основ польского (относительно зависимого) правления и общества. На конкретном примере двадцатилетнего периода: вялость прогресса в межвоенной Польше объясняется как общей стагнацией отношений в тогдашнем капиталистическом мире, так и *отсутствием инициативы наших правящих элит*»⁷¹ (курсив мой. – А.С.). Однако в опубликованных материалах конференции никаких комментариев ни о статье, ни о Кеневиче нет. Трудно установить причину удаления этого фрагмента. Судя по контексту, Кеневич критикует межвоенную власть в торможении развития Польши. Такая оценка вряд ли бы вызвала недовольство партийных деятелей, однако упоминание о ней все же не было обозначено в итоговых материалах конференции, возможно в связи с вышеупомянутой критикой статьи С. Арнольдом еще в 1948 г.

На следующий день, 30 декабря, с докладом выступал уже Кеневич. Корманова после выписанных тезисов, которые точно совпадают с опубликованным текстом, дописала почему-то по-русски «кустарничество и ползучий эмпиризм»⁷². Почему ремарка была сделана на другом языке, а потом зачеркнута? Была ли она кому-то адресована или нет? Ответить на эти вопросы пока не удалось. Однако можно утверждать, что эти комментарии носят критический характер. Корманова взяла эти термины из советской пропаганды⁷³. В толковом словаре Ушакова даются следующие определения: «*Кустарничество* – работа, ведущаяся примитивным способом, неорганизованно, неискусно. *Ползучий эмпиризм* – беспринципное и бесперспективное делчество, т.е. узкий практицизм и беспринципность и забвение политических задач пролетариата»⁷⁴. Таким образом, Корманова обвиняла Кеневича не только в непрофессионализме, но и в игнорировании как марксистско-ленинской теории (в сталинистской интерпретации), так и ведущей роли рабочих в классовой борьбе.

В воспоминаниях 1980 г. Кеневич несколько раз указывал на влияние внешних факторов на его жизнь. О своем зачислении в список неблагоденствующих историков в Отвоцке он писал: это «было только фрагментом более широкой и важной игры, которая велась за предела-

⁷¹ Цит. по изд. Kieniewicz 1982. S. 29.

⁷² AAN Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 64.

⁷³ С началом Второй мировой войны Ж. Корманова бежала из Варшавы в занятый Красной Армией Белосток, откуда в 1941 г. – в СССР. В 1940 г. получила советское гражданство, была членом ВКП(б). Активно занималась вопросами образования и просвещения, воспитания детей, правами женщин. Разработала программу обучения истории для польских школ в СССР. Была сотрудником Института истории АН СССР, ученица В.И. Пичеты.

⁷⁴ См.: Толковый словарь Д.Н. Ушакова.

ми моего знания и влияния»⁷⁵. Хотя дальнейшая роль в этой игре во многом зависела от него самого. Или другой пример: «Моей судьбой управляли внешние обстоятельства»⁷⁶. Можно предположить, что такая покорность обстоятельствам вытекала из религиозности историка. Эта гипотеза подкрепляется несколькими примерами. В данном случае Кеневич мог иметь в виду коллег по цеху, помогавших ему вернуться в профессию после войны, а также независимые от него политические перемены, которые непосредственно влияли на его жизнь. Но даже спустя десять лет он продолжал ссылаться на роль случая в его жизни: «После смерти Хандельсмана, Фельдмана, Видершала, Русьяна, Лесневского я обнаружил себя среди специалистов по истории Весны народов»⁷⁷. В этой ситуации для Кеневича решающим фактором был не его профессионализм, а воля случая. С таких же позиций можно объяснить и его обращение к марксистской методологии – для историка не было выбора в этом вопросе, его решение было предопределено обстоятельствами, которые он принял с христианским смирением. Марксизм стал для него теоретической основой исследования, но не основой мировоззрения, которое базировалось скорее на идеях католицизма.

В Отвоцке на Кеневича было оказано давление: занесение в «черный список», нападки со стороны Ю. Гутта и Ж. Кормановой. Думаю, что он, лукавил, считая, что от дальнейшей критики его спасло обращение к исследованию аграрного вопроса. Главную роль сыграл переход к марксистской методологии, поэтому критика партийных историков не попала в опубликованные материалы конференции.

Однако активное наступление историков-коммунистов не привело к установлению тотального контроля над исторической наукой, хотя их количество в университетах росло. Статистическое подтверждение есть в архивных документах Якуба Бермана: в декабре 1949 г. в партии состояло 357 научных сотрудников (19,6% от всего числа), а в декабре 1953 г. – 1131 (31,5%), но большую часть из них составляли младшие научные сотрудники (адъюнкты и ассистенты) и контрактные ученые: в 1949 г. – 298 (83,5%), 1953 г. – 1039 (91,7%)⁷⁸. Таким образом, справедливо замечание Р. Стобецкого, что партийные историки не имели значительного веса в академической среде, а «проводившееся административными методами переустройство исторической науки с трудом находило поддержку»⁷⁹. Тем не менее, сопротивление давлению власти означало исключение из сообщества. Несогласные боялись, что «штур-

⁷⁵ Kieniewicz 1980. S. 254.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Kieniewicz 1990. S. 234. Все историки умерли между 1945 и 1947 гг.

⁷⁸ AAN, Akta Jakuba Bermana, sygn 325/18, k. 56.

⁷⁹ Stobiecki 2007. S. 100.

вал исторической науки будет отдан в руки группы наиболее догматич-ных, не имеющих профессионального образования историков»⁸⁰. Необходи-мо было найти компромисс. Баланс был сохранен благодаря при-нятию оппозиционными историками марксистской методологии, что позволило им сохранить позиции в историческом сообществе. Так же повел себя Кеневич: ученый мог продолжить работу в существующей системе, несмотря на происхождение, религиозность и слабое сопро-тивление советизации науки в первые послевоенные годы.

Эти меры позволили польским историкам продержаться в течение оставшихся лет сталинистской эпохи. Радетели сталинизации видели в Отвоцке свой успех, но он был иллюзорным⁸¹. Уже на излете стали-низма ортодоксальные марксистские историки стали терять позиции в науке. И в этом случае характерной представляется биография Кене-вича. В 1952 г. после отстранения Ц. Бобиньской он стал соредактором журнала «Пшеглэнд хисторычны», а после того, как с себя сложила полномочия Изабела Бежуньска-Маловист (1917–1995) – единствен-ным редактором (обе исследовательницы состояли в Марксистском объединении историков⁸²). С началом Оттепели атака партийных исто-риков ослабла. Возобновились прерванные международные контакты. Уже в 1955 г. польские ученые, среди которых был и Кеневич, приняли участие в X Международном конгрессе историков в Риме. Благодаря В. Куле и М. Маловисту установились тесные контакты с коллегами из французской школы «Анналов». Конечно, сохранялись цензура и при-стальное внимание ПОРП, но уже не было активного насаждения ста-линской модели исторического материализма, характерной для рубежа 1940-х и 1950-х гг. Советское руководство понимало, что давлением не добиться полного подчинения исторической науки партийно-государст-венным интересам. Я. Шумский отмечает: «Москва была вынуждена согласиться на значительные уступки», ликвидируя кафедры марксиз-ма-ленинизма и привлекая к совместным польско-российским проектам беспартийных историков, «лишь декларирующих свою лояльность»⁸³. Примером может быть координируемое Кеневичем издание источни-ков по истории Январского восстания⁸⁴.

Первое послевоенное десятилетие жизни и творчества Стефана Кеневича показывает всю сложность развития не только исторической науки в ПНР, но и советско-польских отношений. Не занимавшие по-лярных позиций историки должны были найти свое место в стране,

⁸⁰ Ibid. S. 110.

⁸¹ Горизонтов 1997. S. 125; Stobiecki 2007. S. 115.

⁸² Rutkowski 2007. S. 163.

⁸³ Szumski 2016. S. 239.

⁸⁴ Советско-польский проект издания источников Январского восстания 1863 г. За 24 года работы было опубликовано 25 томов документов.

оказавшейся после войны в сфере влияния СССР. Перед Кеневичем не стоял выбор, поддерживать или нет установившуюся коммунистическую власть. Вопрос был в том, как в новых условиях проводить качественные исследования. В статье «Счет совести» (1989), опубликованной в католическом журнале, ученый писал, что он «признал верными некоторые элементы этой доктрины, среди прочих: корреляцию производственных отношений и политических идеологий, влияние материального интереса на основы разных общественных групп, влияние классовых антагонизмов на судьбы польской борьбы за независимость»⁸⁵. Заметка была написана в ответ на критику депутата Юзефы Хенненлёвой в адрес издававшихся в ПНР авторов: «...не должны ли писатели, которые были сами для себя цензорами, задуматься, какое имеют право их изуродованные тексты дальше жить в культуре?» Отвечая, Кеневич рефлексировал о цензуре, выборе учеными своего пути, трудностях, с которыми они столкнулись с началом трансформации Польши. Свои размышления он закончил призывом к историкам «смело признаться, что в такой-то ранней собственной публикации утверждали что-то другое или буквально противоположное»⁸⁶. Сам Кеневич открыто этого не сделал, что не умаляет достоинства его исследований, на которые до сих пор опираются современники. Историк не столько защищал марксистскую методологию, сколько свое послевоенное творчество. Он вынужденно принял после войны новую для себя теорию в ее догматичном варианте. Десталинизация стала для него возможностью вновь пересмотреть положения своей интерпретации истории восстаний, оставаясь в рамках марксистской теории. Так он начал долгий путь к разработке собственной концепции польского движения в XIX в.

На примере биографии С. Кеневича видно, что польским коммунистам не удалось до конца реализовать политику сталинизации. Масштабное реформирование исторической науки по советскому образцу лишь формально символизировало победу нового порядка. Далеко не все польские историки поддерживали новую политику после войны, но, несмотря на давление властей и ангажированных в реформирование науки ученых, в целом сохранили свое положение в науке. Польские историки сохранили и относительную свободу творчества (особенно в сравнении с советскими коллегами). Марксизм был на протяжении всей истории ПНР «единственно правильной» теорией, но как методология творчески понимался многими историками, которые старались избежать идеологизации науки. Даже в международных контактах (как со странами соцлагеря, так и с «буржуазными») пропартийным историкам не удалось сохранить монополию сталинистского периода. Таким обра-

⁸⁵ Kieniewicz 1989. S. 5.

⁸⁶ Ibidem.

зом, сталинизация изменила облик польской исторической науки, но не смогла устранить или радикально переориентировать всех несогласных с этим процессом исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Горизонтов Л.Е. "Методологический переворот" в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая школа [Gorizontov L.E. "Metodologicheskij perevorot" v polskoj istoriografii rubezha 40–50-h gg. i sovetskaya istoricheskaya shkola] // W kręgu historii historiografii i polityki. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. S. 103–126.
- Польша в XX веке: очерки политической истории. Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с. [Polsha v XX veke: ocherki politicheskoy istorii / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Indrik, 2012].
- APAN, I Kongres Naukowy, sygn I-10/36 „Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950–1951)”.
AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242.
- Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.
- Caban W. Stefan Kieniewicz jako historyk i inspirator badań powstania styczniowego // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Pod red. A. Szwarcza. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. S. 103–120.
- Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 278 s.
- Hübner P. Nauka polska po II wojnie światowej – idee i instytucji. Warszawa, 1987. 267 s.
- Hübner P. Polityka naukowa w Polsce w latach 1944–1953. Geneza systemu. T. 2. Wrocław: Centralny Ośrodek Metodyczny Studiów Nauk Politycznych, 1992. 477–849 s.
- Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. Warszawa: Towarzystwo Nauk, 1935. 304 s.
- Kieniewicz S. Adam Sapieha i Galicyjskie Towarzystwo Gospodarskie w przededniu powstania styczniowego (1860–1862) // Ziemia Czerwińska. 1936. R. 2. Z. 1. S. 70–111.
- Kieniewicz S. Dookoła Lelewela // Tygodnik Powszechny. 1946. № 37. S. 6. (a).
- Kieniewicz S. Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej // Nauka i Sztuka. 1946. R. 2. T. 4. S. 267–283 (b).
- Kieniewicz S. Opinia, parlament, praca // Tygodnik Powszechny. 1947. № 14/15. S. 13–14.
- Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Galicji w 1848 // Przegląd Historyczny. T. 38. 1948. S. 127–128.
- Kieniewicz S. Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. W oświetleniu historiografii polskiej // Kwartalnik historyczny. 1950/1951. R. 58. № 1. S. 39–57.
- Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych (Autobiografia) // Kwartalnik historii nauki i techniki. 1980. R. XXV. № 2. S. 243–267.
- Kieniewicz S. Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego „O problematykę najnowszej historii Polski” (Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1. Z. 1) // Historyk a świadomość narodowa. Warszawa: Czytelnik, 1982. S. 23–33.
- Kieniewicz S. Rachunek sumienia // Tygodnik Powszechny. 1989. Nr. 52–53. S. 5.
- Kieniewicz S. To i owo 1938–1948 // Polskie Towarzystwo Historyczne 1886–1986. Zbiór studiów i materiałów. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990. S. 233–235.
- Kieniewicz S. Sens czy też bezsens walk o niepodległość? // Kultura i społeczeństwo. 1991. № 35/2. S. 23–31.
- Kieniewicz S. O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Pod red. A. Szwarcza. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. S. 283–291.
- Koroluk W., Miller I., Misko M. Nauka polska na VII Zjeździe Historyków we Wrocławiu w 1948 r. // Zbiór artykułów historycznych o Polsce w literaturze radzieckiej. Pod red. Ż. Kormanowej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1950. S. 257–309.
- Leśnodorski B. Nauka historii w pierwszym dziesięcioleciu Polski Ludowej // Kwartalnik historyczny. 1955. R. 62. S. 18–58.
- Mazur G. Biuro Informacji i Propagandy SZP-ZWZ-AK 1939–1945. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 483 s.

- Orman E. O paradoksach i historiografii w czasach PRL-u na przykładzie Henryka Wereszyckiego i Stefana Kieniewicza // Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947–1990. Kraków: Księgarnia Akademicka, Instytut Historii PAN, 2012. S. 5–82.
- Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich. Kom. red. S. Herbst, W. Kula, T. Manteuffel. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1953. T. 1. 535 s.
- Powszechne Zjazdy Historyków Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały. Wstęp, wybór i opracowanie T.P. Rutkowski. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2014. 682 s.
- Romek Z. Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2010. 358 s.
- Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 630 s.
- Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947–1990. Wstęp i opracowanie E. Orman. Kraków: Księgarnia Akademicka, Instytut Historii PAN, 2012. 792 s.
- Stobiecki R. Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007. 364 s.
- Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajerów PAN, 2016. 430 s.
- Wereszycki H. Historia polityczna Polski 1864–1918. Kraków: Spółdzielnia Wydawnicza "Wiedza", 1947. 374 s.
- Wiosna ludów na ziemiach polskich / pod red. N. Gąsiorowskiej, tt. 1–4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1948–1955.
- Wolniewicz M. Między tradycją legionową a "tradycjami postępowymi". Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2006. T. 2. S. 91–119.

Солдатов Антон Анатольевич, соискатель, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; antn.soldatov@gmail.com

**"The sauce, I which we are being cooked..."
Stefan Kieniewicz and Polish historiography
in the late 1940s — mid-1950s**

The article considers the reforming of historic study in Poland in the late 1940s — mid-1950s. The author analyzes the problem of non-Marxist historians' adaptation to the new political and social environment through the example of Stefan Kieniewicz's life and research. He applied Marxist theory in his own research under the Communist historians' pressure after World War II. Kieniewicz endeavored to find a compromise between Marxist-Leninist theory and doing research based on historic sources, systematicity and objectiveness. The case of Kieniewicz shows that the reform of academic study in the People's Republic of Poland had an effect on its structure and autonomy, but it could not guarantee the orthodox Marxism theoretical monopoly.

Keywords: Marxism, Stefan Kieniewicz, the People's Republic of Poland, Polish historiography, the USSR, Stalinism, reform

Anton Soldatov, Postgraduate Student, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University; antn.soldatov@gmail.com